

Александр Кобринский
«Слеза комсомолки»:

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОКТЕЙЛЬ
ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

Aleksandr Kobrinsky

"Komsomol Girl's Tear": Venedikt Erofeev's Semiotic Cocktail

Александр Кобринский (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, юрист; доктор филологических наук) o-01-o@list.ru.

Aleksandr Kobrinsky (PhD; Lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences) 0-01-0@list.ru.

Ключевые слова: Вен. Ерофеев, *Слеза комсомолки*, коктейль, В. Маяковский, А. Безыменский, В. Вересаев, *Ханаанский бальзам*, М. Светлов, алкогольный код, претекст

Key words: Venedikt Erofeev, *Komsomol Girl's Tear*, cocktail, Vladimir Mayakovsky, Aleksandr Bezymenskiy, Vikenty Veresaev, *Canaan Balsam*, Mikhail Svetlov, alcohol code, pretext

УДК: 81-116+82.091

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_66

UDC: 81-116+82.091

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_66

Статья представляет собой структурно-семантический анализ фрагмента поэмы Вен. Ерофеева «Москва — Петушки», посвященного описанию коктейля «Слеза комсомолки» с широким привлечением литературных претекстов, а также попытку осмысления функции «женских» и «мужских» слез в истории русской литературы XX века. В качестве претекстов Вен. Ерофеева анализируются такие произведения, как поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», поэма А. Безыменского «Комсомолия», роман М. Шолохова «Судьба человека», роман Виктора Кина «По ту сторону» с изъятими по причинам автоцензуры фрагментами, роман В. Вересаева «Сестры» и один из вариантов «живой газеты» 1920-х годов. В статье также демонстрируется ориентация Вен. Ерофеева на современные ему представления о структуре, ее элементах и их взаимоотношениях (прежде всего на работы Ю.М. Лотмана).

This article is a structural and semantic analysis of a fragment from Venedikt Erofeev's poem *Moscow to the End of the Line* dedicated to a description of the cocktail "Komsomol Girl's Tear" with the wide use of literary pretexts, as well as an attempt to comprehend the function of "female" and "male" tears in the history of Russian literature of the 20th century. As for Erofeev's pretexts, works such as Vladimir Mayakovsky's poem "Vladimir Ilyich Lenin"; Aleksandr Bezymenskiy's poem "Komsomoliya"; Mikhail Sholokhov's novel *The Fate of a Man*; Viktor Kin's novel *On the Other Side*, with fragments removed from the text for self-censorship reasons; Vikenty Veresaev's novel *Sisters*; and an example of the "living newspaper" of the 1920s are analyzed. The article also demonstrates Erofeev's orientation toward contemporary ideas about structure, its elements and their relationships (most importantly in the works of Yuri Lotman).

Андрей Зорин определяет то или иное переживание как «литературное», если «регулятивными механизмами, задающими лежащие в его основе эмоциональные матрицы, оказываются литературные тексты» [Зорин 2006: 19–20]. С этой точки зрения, вся поэма Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» представляет собой не что иное, как единое, длящееся литературное переживание, которое время от времени использует внеязыковые способы кодирования (алкогольный, железнодорожный и др.)¹. В этом плане особый интерес, конечно, представляют знаменитые коктейли, описываемые Ерофеевым в главе

1 См. об этом: [Кобринский 2006].

«Электроугли — 43 километр», а среди них — «Слеза комсомолки», поскольку в последнем семиотически особенно значимым оказывается не только состав элементов, входящих во взаимодействие, но и способ организации этого взаимодействия:

Но если человек не хочет зря топтать мироздание, пусть он пошлет к свиньям и «Ханаанский бальзам», и «Дух Женевы». А лучше пусть он сядет за стол и приготовит себе «Слезу комсомолки». Пахуч и странен этот коктейль. Почему пахуч, вы узнаете потом. Я вначале объясню, чем он странен.

Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память или, наоборот, — теряет разом и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы, — память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм — и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? и куда девалась вся твердая память?

Даже сам рецепт «Слезы» благовонен. А от готового коктейля, от его пахучести, можно на минуту лишиться чувств и сознания. Я, например, — лишался.

Лаванда — 15 г

Вербена — 15 г

Лесная вода — 30 г

Лак для ногтей — 2 г

Зубной эликсир — 150 г

Лимонад — 150 г

Приготавливаемую таким образом смесь надо двадцать минут помешивать веткой жимолости. Иные, правда, утверждают, что в случае необходимости можно жимолость заменить повиликой. Это неверно и преступно. Режьте меня вдоль и поперек — но вы меня не заставьте помешивать повиликой «Слезу комсомолки», я буду помешивать ее жимолостью. Я просто разрываюсь на части от смеха, когда вижу, как при мне помешивают «Слезу» не жимолостью, а повиликой...²

Комментаторы обычно обращают внимание на пищевую «недопустимость» коктейлей, а также приводят реальные комментарии, относящиеся к их элементам. «Что касается рецептов коктейлей, — осторожно замечает Ю.И. Левин, — то они, по-видимому, имеют вполне фантастический характер, хотя почти все их составные части (кроме разве что шампуня) действительно употребляются в народе для выпивки» [Левин 1999: 55]³. Как и Э. Власов⁴, Ю. Левин приводит также примеры упоминания повилики у Б. Пастернака и жимолости у О. Мандельштама, намекая на возможное противопоставление поэтических претекстов [Там же: 56]. Попытки интерпретации этого противопоставления лежат и в основе комментариев С. Шнитман-МакМиллин [Шнитман-МакМиллин 2022].

Между тем функциональная значимость коктейлей (и в частности, «Слезы комсомолки») очень велика: это один из не столь уж многих в поэме видов текста в тексте, который не исчерпывается цитацией. Не случайно В. Курицын довольно пронизательно пишет: «Он (Венечка. — А. К.) предъявляет на по-

2 Ерофеев Вен. Москва — Петушки / С коммент. Э. Власова. М.: Вагриус, 2000. С. 56—57.

3 Там же комментатор указывает, что само название коктейля — «пародийное и очень смешное для носителя языка... (поскольку предполагается, что комсомолки не плачут)» [Левин 1999: 54—55].

4 См.: [Власов 2000: 322—324].

следнем суде не сакраментального “Дон Кихота”, а рецепты коктейлей “Хананский бальзам”, “Дух Женева” и “Слеза комсомолки”. Но — странное дело — в “Слезе комсомолки” я чувствую искренность большую, чем во всем “Дон Кихоте”, а стоят слеза и вздох, оказывается столько крови, что ее хватило на такую поэму» [Курицын 2022: 285].

Э. Власов также справедливо указал на прямую параллель «Слезы комсомолки» с «плачущим большевиком» в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924):

Если бы
 выставить в музее
 плачущего большевика,
 весь день бы
 в музее
 торчали ротозей.
 Еще бы —
 такое
 не увидишь и в века!⁵

По мнению Э. Власова, перекликающемуся с процитированным выше суждением Ю. Левина, «название этого “странного” коктейля рассчитано на восприятие его как парадокса, т[ак] к[ак] комсомольцы были надежной сменой коммунистов и плакать не имели права. Плачущий комсомолец как будущий партиец был в советские времена большой редкостью, по крайней мере по мнению Маяковского» [Власов 2000: 515].

Представляется, что Э. Власов напрасно оборвал цитату из Маяковского, к которой действительно прямо отсылает название коктейля. Конечно, предельно маскулинная и максимально антииндивидуалистическая раннесоветская культура не допускала такого «женского» эмоционального проявления у комсомольца (коммуниста), как слезы. При этом из правила были исключения, относящиеся к ситуациям, когда горе оказывалось горем всего народа и всей партии. Для того чтобы подчеркнуть контраст правила и исключения, Маяковский далее приводит сцены ужасающих пыток, целью которых было заставить коммунистов заплакать и сдаться (что в этой этике, по сути, одно и то же). Но мы видим, что любые пытки в контексте этого мифа рассматриваются лишь как иницилирующее испытание (наподобие испытания святого Антония), во время которого он должен отвечать заранее заготовленным паролем (в данном случае — выкриком «Да здравствует коммунизм!»). Прохождение испытания пытками означает убийство себя самого прежнего и возрождение для нового — уже святого бытия (см.: [Элиаде 1996: 241—242]):

Пятиконечные звезды
 выжигали на наших спинах
 панские воеводы.
 Живьем,
 по голову в землю,
 закапывали нас банды

5 *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6 / Подгот. текста и примеч. И.С. Эвентова, Ю.Л. Прокушева. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 295.

ный мем «скупой мужской слезы», восходящий к «Судьбе человека» М. Шолохова (1956) и впоследствии неоднократно пародийно или полупародийно обыгранный¹⁰.

«Скупая слеза» при этом восходит к достаточно ранним источникам, связанным с теми же ограничениями на публичное выражение печали и горя¹¹. Мы находим это как в текстах соцреалистического канона:

Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством.
Встать!
Страна велит нам почести воздать
Великим мертвецам Аджид-Мушкая¹², —

так и в более ранних. К примеру: «Слеза скупая канула из глаз / И в скляницу легла живым кристаллом»¹³, — или с характерным для имажинизма построением сравнения: «Подбитым галчонком клюется / В ресницах скупая слеза»¹⁴. Согласно этим представлениям, сила горя мужчины обратно пропорциональна количеству слез, отсюда цветаевское: «Жестока слеза мужская / Обухом по темени!»¹⁵

Однако для женщин — даже коммунисток и комсомолок — этот запрет был менее суровым, а сам мотив «слезы комсомолки» — гораздо более семантически нагруженным, чем мотив «скупой мужской слезы». Коктейль Венечки, по сути, превращается в семиотический «котел» (Ю. Лотман), в котором соединяются самые различные интерпретационные векторы. Прежде всего, как это ни парадоксально, в русской советской литературе комсомолки, вопреки утверждению Ю. Левина и Э. Власова, плачут достаточно часто, особенно на рубеже 1920—1930-х годов, когда послереволюционный ригоризм начинает посте-

-
- 10 Прямые иронические отсылки с метатекстовыми элементами см., например: «— Прости! Что называется — скупая, мужская. Поверь, военврач, нелегко мне» (*Герман Ю. Дорогой мой человек. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 483; курсив мой — А. К.*). Или: «Мы с братом сидели и слушали, а по щеке у папы сползала “скупая мужская слеза”» (*Алексиевич С. Время second-hand. Конец красного человека // Дружба народов. 2013. № 9. С. 175*). См. также: «И за стеклами очков в золотой оправе скупая мужская слеза» (*Войнович В. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. Ann Arbor: Ardis, 1976. С. 50*).
- 11 Интересно, что при этом, с точки зрения девушки-комсомолки, плачущий от любви к ней мужчина вызывает ощущение на грани удивления и безразличности: «...он — плакал! Какой странный и неприятный вид, когда плачет мужчина! Он мне орошал руки своими слезами, целовал руки, как барышням целовали в дореволюционные времена, так что они стали совсем мокрые. <...> Вспомню, как он плакал, — становится презрительно-жалко» (*Вересаев В. Сестры. Роман в трех частях. [М.]: Гос. изд-во худ. лит., 1933. С. 11—12*). В подтексте также присутствует ощущение отталкивания в связи с появлением гомосексуального мотива (плач как бы превращает мужчину в женщину).
- 12 *Сельвинский И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1 / Вступ. ст. и примеч. О. Резника. М.: Худ. лит., 1971. С. 390.*
- 13 *Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. Кн. 1 / Вступ. ст. А.Е. Барзаха; сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирченко. СПб.: Академический проект, 1995. С. 349.*
- 14 *Кусиков А. Виснет день виноградною костью... // Бальмонт К. и др. Мы. М.: Кн-во при Всерос. союзе поэтов «Чихи-пихи», 1920. С. 21.*
- 15 *Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 49.*

пенно уходить в прошлое. Так, в классическом для соцреализма тексте М. Шолохова «Поднятая целина» пресловутый «левый оппортунизм» Макара Нагульнова проявляется не только в принудительных мерах по созданию колхоза и обобществлению мелкого скота и птицы, но и в оценке учительницы — комсомолки Людмилы Егоровой:

Давыдов предложил Нагульнову: «Возьми к себе в бригаду учительку-комсомолку. Пусть молодая посмотрит, что за штука классовая борьба». Но Нагульнов, хмуро рассматривая свои длинные, смуглые руки, ответил: «Бери ты ее к себе, а мне она не нужна в таком деле! Она ведет первые классы, у нее парнишка получит двойку, так она вместе с ним слезами заливается. И кто такую девку в комсомол принимал? Разве это комсомолка? Слюни в юбке!»¹⁶

Этому «устаревшему» взгляду на комсомолку противостоит подход Давыдова, который приходит к Егоровой в школу и, убедившись в важности ее учительской работы, распоряжается выписать ей за свой счет помощь продуктами, а также планирует ремонт школьного здания. Оказывается, что комсомолка может отчасти вести себя в быту как слабая женщина¹⁷, если при этом она честно выполняет свой долг перед партией и обществом¹⁸. Интересно, что еще в 1928 году Виктор Кин, готовя к публикации свой роман «По ту сторону», явно из соображений автоцензуры изъясил фрагмент про «слезы комсомолки», ставшие причиной расставания с ней героя:

— ...Это мне приводит на ум одну штуку. У меня в Москве осталась девочка. Я познакомился с ней случайно, у ребят в общежитии. Тоненькая, брюнетка, со стриженными волосами, Оля.
— Комсомолка? — безучастно спросил Матвеев.
— Не стану же я связываться с беспартийной.
— Почему же она не провожала тебя на вокзал?
— Она начала плакать за неделю до отъезда. Красиво было бы, если бы она пришла плакать на вокзал. Надо тебе сказать, что я не выношу женских слез¹⁹.

Эти рассуждения, а также рассказы этого же персонажа о том, что «комсомолки редко бывают красивыми», — остались в записных книжках В. Кина и были опубликованы только уже в постсоветскую эпоху²⁰. Зато в классическом для

16 Шолохов М.А. Поднятая целина. Роман: В 2 кн: Кн. 2 // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. В. Булановой. Т. 7. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. С. 109—110.

17 Ср.: «Женский плач — это демонстрация бессилия» [Bekker, Vingerhoets 2001: 105].

18 При этом в разговоре с Ритой Устинович Корчагин, объясняя ей, почему он в свое время разорвал с ней отношения, воспроизводит все прежние штампы 1920-х годов о своем идеале революционера, «для которого личное ничто в сравнении с общим» (Островский А. Как закалялась сталь. Роман в двух частях. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 1936. С. 308).

19 Разумеется, подобные сентенции в русской литературе после выхода в 1912 году сборника «Вечер» с неизбежностью накладываются на нелюбовь к «женской истерике» из стихотворения А. Ахматовой «Он любил три вещи на свете...».

20 См.: Кин В. Избранное. М.: Сов. писатель, 1965. С. 232—233. Мотив «некрасивости» и асексуальности комсомолок отчасти перекликается с загадкой сфинкса из поэмы «Москва — Петушки» о комсомолках, изнасилованных моряками Седьмого американского флота (характерно приравнивание в задаче комсомолок к «партийным», как это происходит и у В. Кина), а также с обидевшим Венечку намеком из другой загадки о том, что в Петушках нет пунктов А и Ц, а есть только Б.

соцреализма романе Н. Островского «Как закалялась сталь» женские (даже комсомольские) слезы после любовной неудачи реабилитируются уже полностью: к Павлу приходит комсомолка, которая, расплакавшись, жалуется на то, что видный партиец Файло «обещал на ней жениться, но, прожив с ней неделю, перестал даже здороваться»²¹. Файло исключается из партии за моральное разложение, а слезы комсомолки воспринимаются как что-то само собой разумеющееся. В романе В. Вересаева «Сестры» (1933) этот процесс «реабилитации» комсомольских слез также задействован в полной мере. Две сестры-комсомолки Лелька и Нинка ведут общий дневник. Нинка, расставшись с партийцем Марком, в которого она была влюблена, записывает в этот дневник блоковскую «Песню Офелии» («Он вчера нашептал мне много...») и заливает всю страницу слезами. Правда, когда сестра пытается ее пожалеть, Лелька берет с нее «слово комсомолки» — «никогда не проливать надо мною слез жалости и никогда не хныкать надо мною»²². Комсомольские слезы как результат неудачи в интимных отношениях могли проливаться даже в середине 1920-х годов: в одном из сюжетов для «живых газет», широко распространенных в это время, Борис Зон предлагает «разоблачение» беспечности в интимных отношениях. На фоне появляющегося плаката «Каждая комсомолка должна идти ему навстречу, иначе она мещанка» комсомолка, «освободившаяся от глупых предрассудков», идет с комсомольцем, чтобы удовлетворить его желание. В следующей картине эта же комсомолка, уже беременная, плачет перед заведующей родильным приютом, отказывающей ей в аборте²³.

Однако в романе В. Вересаева мотив «слезы комсомолки» приобретает совершенно необычный оборот, заставляющий включить роман в перечень возможных претекстов В. Ерофеева.

Лелька уходит из института на производство, чтобы стать настоящей представительницей рабочего класса. Там она всячески развивает свою комсомольскую деятельность. В частности, описывается, как она выступает на большом собрании, на котором пионеров принимают в комсомол, а комсомольцев в партию. На собрании присутствуют иностранные гости — «товарищи из Коминтерна и КИМа — делегаты от Германии, Чехословакии, Китая и американских негров»²⁴.

В конце собрания все поют «Интернационал», причем каждый из иностранцев поет его на своем языке. И это пение действует на Лельку совершенно неожиданно:

И гремящее, сверкающее звуками море несло Лельку на своих волнах, несло в страстно желанное и наконец достигнутое лоно всегда родной партии для новой работы и для новой борьбы.

Лелька нахмурилась, перестала петь и испуганно прикусила губу. Позор! Ой, позор! Комсомолка, теперь даже член партии уже, — и вдруг сейчас разревется! Быстро ушла за кулисы, в самом темном углу прижалась лбом к холодной кирпичной стене, покрытой паутиной, и сладко зарыдала.

— Ч-черт! Все бензин!²⁵

21 Островский Н. Как закалялась сталь. Роман в двух частях. С. 314.

22 Вересаев В. Сестры. Роман в трех частях. С. 40—41.

23 См.: Зон Б. Комсомольская живая газета (материалы и методика) / Ред. и предисл. Адр. Пиотровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 27—28.

24 Вересаев В. Сестры. Роман в трех частях. С. 209.

25 Там же.

О каком бензине идет речь и как бензин вдруг оказывается связан со «слезами комсомолки»? Дело в том, что Лелька, поступив на завод «Красный витязь», начала обучаться работе галошницы. А для производства галош использовался резиновый клей, в состав которого входил бензин. Пары этого бензина вынужденно вдыхали работницы, на которых он, особенно поначалу, с непривычки, воздействовал как галлюциноген, вызывая неконтролируемые эмоции, включая смех и рыдания:

От резинового клея шел сладковатый запах бензина. О, этот бензин!

Противно-сладким дурманом он пьянил голову. Сперва становилось весело.

Очень смешно почему-то было глядеть, как соседка зубами отдираала тесемку от пачки или кончиком пальца чесала нос. Лелька начинала посмеиваться, смех переходил в неудержимый плач, — и, шатаясь, пряча под носовым платком рыдания, она шла на медпункт дохнуть чистым воздухом и нюхать аммиак²⁶.

Как мы видим, публичные беспричинные рыдания — даже от счастья — все еще недопустимы для комсомолки (более того — Лелька на этом собрании была принята в члены партии), поэтому Лелька уходит рыдать за кулисы. Две мотивировки — рыдание от счастья из-за приема в партию и от паров бензина — не аннигилируют, а словно дополняют друг друга, актуализируя еще один семиотический вектор интерпретации: слезы как результат химического (включая галлюциногенное) воздействия на организм²⁷. Как ни парадоксально, известная в литературе «пьяная слеза» («пьяные слезы») — явление того же уровня.

Однако «Слезка комсомолки» — это прежде всего коктейль, то есть алкогольный напиток, полученный в результате смешения различных других алкогольных компонентов. Конечно, вышеупомянутая семантика, связанная с вопросом возможности демонстративного проявления чувств комсомолкой или членом ВКП(б), обогащается тут многоаспектной алкогольно-жидкостной метафорикой, восходящей к устойчивым языковым выражениям, уподобляющим алкогольные напитки слезам («прозрачный, как слеза», «чистый, как слеза», «горький, как слеза» и т.п.)²⁹.

26 Вересаев В. Сестры. Роман в трех частях. С. 70. Ср. еще один пример действия бензина на Лельку в романе: «Вошла девушка-галошница в кожаном нагруднике. Она шаталась, как пьяная, прекрасные глаза были полны слез, грудь судорожно дергалась от всхлипывающих вздохов. <...> Это было острое отравление бензином новенькой работницы» (Вересаев В. Сестры. Роман в трех частях. С. 68).

27 Психолог Шейни Барраклаф из Кентерберийского университета (Новая Зеландия) приводит традиционную таксономию слез. Базальные слезы — это непрерывно продуцируемые слезы, которые смачивают наши глазные яблоки. Рефлекторные, или раздражающие слезы возникают, например, когда мы режем лук или получаем удар в глаз. Психические, или эмоциональные слезы — это слезы, вызванные определенными эмоциональными состояниями и передающие их [Baggaclough 2017: 67]. Таким образом, слезы Лельки вызваны (на поверхности сюжета) — эмоциями счастья, а на более глубинном уровне — оказываются рефлекторными.

28 Упоминается у П. Вяземского («Эперне»), А. Блока («Холодный день»), В. Каменского («В кабаке»), а также в многочисленных русских прозаических текстах XIX—XX веков. Ср. также «перегарную слезу» в стихотворении Н. Клюева «Не под елью белый мох...».

29 Сравнение вполне было литературным и во время создания поэмы «Москва — Петушки». Так, в 1967 году Н. Рубцов сравнит катящуюся по щеке слезу с каплей водки («Эхо прошлого»).

Каков состав этого коктейля? В отличие, к примеру, от «Сучьего потроха» с несуществующим шампунем «Садко — богатый гость», «резолью для очистки волос от перхоти», клеем БФ, тормозной жидкостью и дезинсекталем³⁰, «Слеза комсомолки» представляет собой смесь парфюмерии. Как пишет А. Плущер-Сарно:

Лосьон для лица «Лаванда» содержит витамин С, натуральное лавандовое масло и 35% спирта. «Очищает кожу, обладает антисептическими свойствами, придает коже здоровый свежий вид» (инструкция по применению). «Вербена» — недорогой одеколон. «Лесная вода» — не одеколон, а «лосьон для лица с витамином С». Содержание спирта — 31–35% (а в советских одеколонах спирта около 70%). Это один из трех-четырех самых употребительных в качестве напитков лосьонов. <...> Употребление лака для ногтей как сырья для получения спиртосодержащего напитка не зафиксировано. Существовали различные зубные эликсиры («Мятный», «Экстра», «Роса» и др.), которые широко использовались в качестве напитков. Эликсир представляет собой лечебно-профилактический спиртовой раствор для полоскания полости рта. Разные эликсиры содержат спирта от 20 до 30%. При изготовлении подобной смеси образовалось бы 363 г коктейля с содержанием спирта около 30%. Однако подобные смеси никогда не употреблялись из-за ядовитости и дороговизны лака для ногтей [Плущер-Сарно 2000].

То, что «Лесная вода» — это именно лосьон, подтверждал и сам Вен. Ерофеев в автокомментарии³¹.

Фантастичность коктейлей, упоминаемых в поэме, бросается в глаза — и тем не менее как Венечка, так и сам Вен. Ерофеев неоднократно настаивали на необходимости строжайшего соблюдения рецептуры. С одной стороны, в тексте «Москва — Петушки» — целое отступление, посвященное «неверности и преступности» попыток помешивать коктейль повиликой вместо жимолости. Казалось бы, перед нами — *reductio ad absurdum* с целью усилить авторскую иронию. Но, с другой стороны, аналогичный фрагмент мы встречаем и в письме Вен. Ерофеева венгерской переводчице поэмы Эржебет Вари, в котором он указывает на недопустимость искажений в ингредиентах другого коктейля: «И еще о рецептах: YMCA-PRESS произвольно исказило рецепт “Сучьего потроха”. Никакого “средства от потливости ног” в нем нет. А есть (между резолью и дезинсекталем): тормозная жидкость — 25 г, клей БФ — 8 грамм. Ошибаться в рецептах, в самом деле, нельзя»³². Судя по всему, здесь реализуется тот же дискурс, в основе которого лежат новые для того времени идеи Ю. Лотмана, сформулированные в «Лекциях по структуральной поэтике» (1964), о том, что художественное произведение — это одновременно и система знаков, и целостный, уникальный знак, состоящий из элементов, которые — все без исключения — являются значимыми, равно как и значимым является отказ от ожидаемого элемента. Таким образом, коктейль становится текстом-знаком, а его ингредиенты — элементами текста, смысловая ценность каждого из которых уни-

30 *Ерофеев Вен.* Москва — Петушки. С. 57. Доза, упомянутая в поэме (30 г дезинсекталя на общие 275 г коктейля), является смертельной для человека или приводит к тяжелейшему отравлению, если иметь в виду обычный для 1960-х годов ДДТ.

31 Переписка с Эржебет Вари // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве / Сост. О. Лекманов, И. Симановский. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 187–188.

32 Там же.

кальна и неповторима в его конкретном расположении и во взаимодействии с другими элементами.

Кроме этого, создание нарочито ядовитых коктейлей неоднократно осмыслялось исследователями как предсмертное творчество. Так, например, С. Шнитман-МакМиллин указывает в своей монографии на ассоциацию «Ханаанского бальзама» со смысловой цепочкой: «Ханаан — Господь — смерть», а «Сучий потрох» называет «мистическим коктейлем последнего дня» [Шнитман-МакМиллин 2022: 124, 127]. В этом контексте слеза приобретает новое значение: она превращается в мистическую, благочестивую слезу, которая в средневековых проповеднических текстах и в христианской поэзии конфигурируется как неотъемлемая часть религиозного дискурса. Благочестивые слезы становятся проводником, посредником между человеческим и божественным, помогая преодолевать границу между земным и небесным царствами³³. Одновременно актуализируется и ставшее почти языковым сравнение слез с вином (отсюда — «пить слезы»). Это сравнение — одно из самых древних в мировой литературе, оно восходит к древнему ханаанскому сюжету из угаритской «Песни о Баале», когда Анат, узнав о похищении своего брата и любовника, плачет и при этом «пьет слезы, как вино»³⁴.

В мировой литературе мотив впоследствии обогатился любовной семантикой: возлюбленный либо пьет слезы счастья своей возлюбленной, в результате чего счастье оказывается разделенным на двоих, либо — утешает ее таким же образом. См., например: «[Оказавшись] между этими двумя эмоциями — любви и жалости, — Валанкур лишился способности подавлять собственное волнение и почти что сам перестал этого хотеть; в промежутках между судорожными рыданиями он поцелуями осушал ее лицо от слез»³⁵. Таким образом, семантика «Слезы комсомолки» оказывается двунаправленной: с одной стороны, пьющий ее приобщается к редкому случаю проявлению женского (че-

33 См. об этом: [Cooper 2012].

34 См. об этом: [Lutz 1999: 35]. В Ханаане почитались боги угаритского пантеона, поэтому сюжет имеет прямое отношение к Ханаану (за справку благодарю проф. В.В. Емельянова).

Ср. также другое языковое сравнение «слезы — вода», означающее притворство и также актуализирующее антитезу «вино — вода» (по критериям «дорогое — дешевое», «вкусное — безвкусное», «насыщающее — ненасыщающее» и т.д. — отсюда и евангельское преломление этой антитезы). В начале XX века мотив получил еще одно преломление: в «Трезвой жизни» выходит маленькая книжка с характерным названием, намекающим на то, что алкоголик на самом деле пьет не водку, а слезы своей несчастной супруги, см.: Он пил слезы своей жены // Трезвая жизнь. Книжка 2-я. СПб.: Тип.-лит. М.П. Фроловой, 1902. С. 124—126. Ср. также литературный штамп «пьяные слезы»: под воздействием алкоголя эти слезы могут быть как внешним («чувствительным») проявлением опьянения: «У пьяного поэта — слезы / У пьяной проститутки — смех» (Блок А. Клеопатра // Блок А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. Кн. 2 / Отв. ред. А.В. Лавров, З.Г. Минц. М.: Наука, 1997. С. 139), — так и текущими по щекам каплями, которые, как спиртное, глотает плачущий. Штамп был очень распространен, в том числе и в советской литературе 1960-х годов, которая была актуальным фоном для поэмы Вен. Ерофеева.

35 «...Valancourt, between these emotions of love and pity, lost the power, and almost the wish, of repressing his agitation; and, in the intervals of convulsive sobs, he, at one moment, kissed away her tears» (*Radcliffe A. The Mysteries of Udolpho*. Global Grey ebooks, 2018. P. 177—178 (<https://www.globalgreybooks.com/ebooks1/ann-radcliffe/mysteries-of-udolpho/mysteries-of-udolpho.pdf> (дата обращения: 09.02.2023)).

ловеческого) начала у политически твердой девушки, а с другой — причащается счастьем любви. И то и другое — шаг к небесам.

Наконец, возможно, что название «Ханаанский бальзам» отсылает и к «Балладе о преступной мягкости» Е. Евтушенко (1968), которая была написана всего годом раньше начала работы Вен. Ерофеева над поэмой. В центре баллады — Михаил Светлов, а сама баллада обыгрывает мотивы и размер его «Гренады». При этом в тексте Евтушенко имеется отсылка, понятная лишь посвященным и также связанная со слезой:

И круто и крупно,
светя вдалеке,
скатилась «преступно»
слеза по щеке.
И, мягкостью раящ,
слезу свою стер
Семен Ханааныч —
мудрец и актер³⁶.

Семен Ханааныч — это актер Семен Ханаанович Гушанский, один из близких друзей Светлова, оставивший воспоминания о нем. Если этот претекст в поэме Вен. Ерофеева действительно присутствует, то «Ханаанский бальзам» и «Слеза комсомолки» оказываются не только в едином контексте «семиотических коктейлей», но и объединенными во внутреннюю малую парадигму внутри более широкой.

Таким образом, можно сделать вывод, что коктейль «Слеза комсомолки» представляет собой сложный семиотический механизм, проецирующийся одновременно на две оси. Первая связана с историко-литературным рядом, актуализацией и переосмыслением многочисленных текстовых и культурных кодов. Вторая отсылает читателя к ряду бытовому, не позволяя воспринимать этот сегмент сюжетной линии вне его материальной, вещественной основы. Видимо, весь контекст, связанный с коктейлями из главы «Электроугли — 43 километр» и рецептами их приготовления (а отчасти — и правилами употребления) следует интерпретировать как изготовление волшебного (магического) зелья, запускающего упомянутый семиотический механизм в действие.

Библиография / References

- [Власов 2000] — Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Спутник писателя // Ерофеев Вен. Москва — Петушки / С коммент. Э. Власова. М.: Вагриус, 2000. С. 121—574.
- (Vlasov E. Bessmertnaya poema Venedikta Erofeeva "Moskva — Petushki". Sputnik pisatelya // Erofeev Ven. Moskva — Petushki / Comment. by E. Vlasov. Moscow, 2000. P. 121—574.)

36 Евтушенко Е. Баллада о преступной мягкости // Евтушенко Е. Первое собрание сочинений: В 8 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста, монтаж докум. свидетельство и науч. ред. Ю. Нехорошева. М.: NEVA group, 2000. С. 315.

- [Зорин 2006] — Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование = History and Narration. Slavica Helsingiensis. Helsinki; М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- (Zorin A. Ponyatie "literaturnogo perezhivaniya" i konstruktsiya psikhologicheskogo protonarrativa // Istoriya i povestvovanie = History and Narration. Slavica Helsingiensis. Helsinki; Moscow, 2006.)
- [Кобринский 2006] — Кобринский А. Семиотика Венедикта Ерофеева. Поэма «Москва — Петушки» // Тыняновский сборник. Выпуск 12: X—XI—XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 339—352.
- (Kobrin A. Semiotika Venedikta Erofeeva. Poema "Moskva — Petushki" // Tyunyanovskiy sbornik. Iss. 12: X—XI—XII Tyunyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy. Moscow, 2006. P. 339—352.)
- [Курицын 2022] — Курицын В. Мы поедем с тобой на «А» и на «Ю» // Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве / Сост. О. Лекманов, И. Симановский. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 279—291.
- (Kuritsyn V. My poedem s toboyu na "A" i na "Yu" // Venedikt Erofeev i o Venedikte Erofeeve / Comp. by O. Lekmanov, I. Simanovsky. Moscow, 2022. P. 279—291.)
- [Левин 1999] — Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева / Предисл. Х. Пфайндля. Грац, 1999.
- (Levin Yu. Kommentariy k poeme "Moskva — Petushki" Venedikta Erofeeva / Introd. by H. Pfandl. Graz, 1999.)
- [Плуцер-Сарно 2000] — Плуцер-Сарно А. Некодифицированные спиртные напитки в поэме В.В. Ерофеева «Москва — Петушки» // Логос. 2000. № 4 (25). С. 112—133 (https://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/15.htm (дата обращения: 07.02.2023)).
- (Plucer-Sarno A. Nekodifitsirovannye spirtnye napitki v poeme V.V. Erofeeva "Moskva — Petushki" // Logos. 2000. № 4 (25). P. 112—133 (https://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/15.htm (accessed: 07.02.2023)).)
- [Шнитман-МакМиллин 2022] — Шнитман-МакМиллин С. Венедикт Ерофеев «Москва — Петушки», или The rest is silence. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (Shnitman-MakMillin S. Venedikt Erofeev "Moskva — Petushki", ili The rest is silence. Moscow, 2022.)
- [Элиаде 1996] — Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996.
- (Eliade M. Mify. Snovideniya. Misterii. Moscow, 1996.)
- [Barraclough 2017] — Barraclough S. Re-imagining the Posthuman in Counsellor Education: Entanglements of Matter and Meaning in the Performative Enactments of Counsellor-in-Training Identities. PhD Thesis. University of Canterbury, NZ, 2017.
- [Becht, Vingerhoets 2002] — Becht M., Vingerhoets A. Crying and Mood Change: a Cross-Cultural Study. Cognition and Emotion. 2002. № 16 (1). P. 87—101.
- [Bekker, Vingerhoets 2001] — Bekker M., Vingerhoets A. Male and female tears: Swallowing versus shedding? // Adult crying. A biopsychosocial approach / Ed. by A.J.J.M. Vingerhoets, R.R. Cornelius. Brunner-Routledge, 2001.
- [Cooper 2012] — Cooper T.-A. The Shedding of Tears in Late Anglo-Saxon England // Crying in the Middle Ages; Tears of History / Ed. by E. Gertsman. New York; London: Routledge, 2012. P. 175—192.
- [Lutz 1999] — Lutz T. Crying: the natural and cultural history of tears. WW Norton & Company, 1999.
- [Matsumoto 1990] — Matsumoto D. Cultural similarities and differences in display rules // Motivation and emotion. 1990. Vol. 14. № 3. P. 195—214.